

Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов

Дмитрий Замятин*

Аннотация. В статье предлагается и исследуется новое для социальных наук методологическое понятие — геоспациализм. Обосновывается введение данного понятия исходя из закономерностей развития европейского модерна. Необходимость использования геоспациализма как понятия и методологического подхода связывается с переходом от пространственности к сопостранственности в интерпретации дискурсивных особенностей развития человеческих сообществ. Понятие геоспациализма помогает понять специфику цивилизационной динамики и процессы формирования воображаемых географий.

Ключевые слова. Геоспациализм, пространственность, сопостранственность, пространственные образы, модерн, постмодерн, цивилизация, воображаемые географии, географические образы, пространственная идентичность, онтология.

Идеологический распад проекта модерна (modernity) — начало этого процесса стало очевидным уже к 1910–1920-м гг. — привел к возникновению довольно хаотических, слабо упорядоченных по отношению к друг другу политических, социальных, экономических полей, в рамках которых отдельные автономные сетевые конструкции и взаимосвязи опирались в своем развитии на автохтонные знаково-символические иерархии и пограничные ментальные маркеры¹. Такая идеологическая ситуация привела в промежуточном социокультурном итоге к ментальным провалам, «пустотам», «трещинам», существующим между отдельными, фактически игнорирующими друг друга идеологическими дискурсами, чьи границы означают чаще всего только естественное убывание их социокультурного воздействия и влияния в зависимости от мощности идеологических источников и количественных и качественных характеристик аудитории (поля) данного дискурса, но не выход в пространство прямого или косвенного междискурсивного взаимодействия.

Прямым следствием подобной идеологической ситуации на протяжении всего XX века стало формирование множества воображаемых миров — со своими социокультурными нормами, правилами и дискурсивными образцами. Эти воображаемые миры-пространства первоначально развивались на базе традиционных представлений модерна — геокультурных, геополитических и геоэкономических². Существенные онтологические противоречия между традиционной картиной мира модерна и множеством образов других социокультурных и ментальных пространств обнаружилось, обнажились лишь к концу XX века, когда распалась искусственно поддерживавшаяся

---

* **Замятин Дмитрий Николаевич** — доктор культурологии, руководитель Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, metageogr@mail.ru

© Замятин Д. Н., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Ср., например, диаметрально идеологически противоположные дискурсы: Генон, 2003; Юнгер, 2000; Беньямин, 1996. См. также: Элиас, 2001; Смит, 2004.

2. Классическое исследование на эту тему: Андерсон, 2001.

обеими противоборствующими сторонами биполярная политико-идеологическая система, дополнявшаяся образом стран третьего мира (развивающихся стран).

Идеологический проект глобализации, который должен был заменить расшатанные устои мира модерна, оказался пока — к началу XXI века — не в состоянии «скрепить», поддержать или же сохранить остатки единого, господствующего в большинстве региональных и локальных сообществ дискурсивного пространства, несмотря на развитие таких мощных сопутствующих дискурсов и концепций, как постмодернизм, постколониализм и мультикультурализм, а также введение в социокультурные дискурсы глобализации понятия глокализации (Р. Робертсон). Основная когнитивная проблема проекта глобализации заключается в бессознательном (или же подсознательном) стремлении к достижению тех целей проекта модерна, которые, так или иначе, не были полностью достигнуты к началу XX века, хотя их достижение считалось в то время практически возможным, а социокультурные и экономические тенденции фиксировали наличие условий для их достижения (явление так называемой первоначальной глобализации конца XIX — начала XX века (Синцеров, 2000; Синцеров, 2005)). В связи с этим некоторая архаичность проекта глобализации сказывается прежде всего в предположении о возможности социокультурной синхронизации развития совершенно различных пространств, регионов и территорий, которые, однако, конструируют, продуцируют свои, не связанные прямо с другими, образы и представления, распространяющиеся за пределы их собственных физико- и политико-географических границ (Culture... 1997).

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть представлена понятием *сопространственности*, впервые предложенным немецким консерватором-романтиком Мартином Мюллером (Ионин, 2000). Это понятие было вытеснено понятием *современность* и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI века способствует его возрождению и потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и межцивилизационных пространств.

Интерпретация образа сопространственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времен, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств — будь то пространство западной или буддийской цивилизации, пространство межцивилизационного лимитрофа (например, Кавказа) или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться различными точками/координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться — как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна и также — для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося не на *со-временность*, но на *со-пространственность*. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопространственность западной и исламской цивилизаций показывают всю анти-современность, не-современность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или сформулированы в рамках *геоспациализма*³ — методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и ее образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определенное видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность».

Сам процесс идеологического перехода от проекта модерна к новому проекту можно назвать спациалистским, или геоспациалистским⁴. Суть данного перехода — в автоматическом и спонтанном столкновении различных в онтологическом плане дискурсов, работающих и развивающихся в различных цивилизационных и социокультурных временах. Эти идеологические столкновения ведут к неконтролируемому никем из каких-либо значимых социокультурных и политических акторов/групп/сообществ расширению самого дискурсивного пространства, становящегося полем активных сосуществующих воображений, чьи источники располагают автономными временами, а в пространственном отношении являются попросту размытыми в силу изначально сетевых конструкций подобных пространств (ср.: Барт, 2004; Soja, 1990; Надточий, 1991; Вульф, 2003; Todorova, 1997; Нойманн, 2004; Филиппов, 2005, 2007; Эткинд, 2001; Замятин, 2007).

Спациалистский проект — используя когнитивные возможности постмодернизма и постструктурализма — является на самом деле (гео)спациалистским идеологическим проектом. Это означает, что традиционное географическое пространство в том виде, в каком оно было сформировано и «упаковано» модерном, используется как бы не по назначению — в совершенно конкретных политических, экономических и социальных целях — а лишь как метагеографический образ, позволяющий разрабатывать всевозможные сочетания и сосуществования различных уникальных дискурсов и представлений, чья локализация является очевидным вопросом в рамках проекта модерна. Иначе говоря, любое земное местоположение (актора, группы, сообщества) в рамках (гео)спациализма подвергается когнитивному сомнению, поскольку определенный оригинальный или даже вторичный дискурс сразу же создает ситуацию сопостранственности, нахождения как бы в нескольких пространствах — с точки зрения традиционных представлений модерна (см. более подробно: Замятин, 2003, 2004a, 2004b, 2006).

Воображаемые географии, становящиеся необходимыми для любых сколь угодно значимых и влиятельных в социокультурном и политическом планах дискурсов, являются и условием существования и поддерживания образного империализма, который может быть постепенно трансформирован в своего рода когнитивное орудие или способ, средство ментального дистанцирования различных пространств для формирования *метапостранства* — поля, где сопостранственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений о траекториях и путях предполагающихся расширений (см.: Замятин, 2007). Тогда такие значительные социокультурные и научные концепции конца XX — нача-

3. Термин и понятие введены мной.

4. Не путать с понятием спациализма (направление в искусстве XX века).

ла XXI века, как постколониализм, ориентализм, мультикультурализм, оказываются частными случаями начального этапа развития (гео)спациализма, на котором воображаемые географии являются пока лишь побочным и второстепенным ментальным продуктом образного империализма, а не закономерным (вполне образно-детерминистским, рационалистическим) следствием столкновения и борьбы цивилизационных дискурсов. Как только понятие и образ современности, а вместе с ними и понятие глобализации будут осознаны как частный идеологический дискурс, *сопространственный* любым другим значимым дискурсам, расширяющим свое феноменологическое пространство, образный империализм станет «чистым» операциональным образом, лишь поддерживающим «технически» на когнитивном уровне видимое расширение феномена сопространственности.

«Бессознательное» первоначального модерна — так, как оно было репрезентировано развитием европейского капитализма, Великими географическими открытиями, культурой и искусством Возрождения — было связано с безусловной телеологией земного пространства, становящегося тем самым вполне обозримым, представимым, *образным* (см.: Бродель, 2002, 1992; Франкастель, 2005; Дамиш, 2003; Слотердаик, 2007). Эта вновь возникающая образность земного пространства опиралась феноменологически на классическое понятие империи как некоего абсолютно политически и метафизически органичного пространственного тела; развитие такого пространственного тела как бы автоматически уравнивало и выравнивало (в плане христианской метафизики) всякие с европейско-имперской точки зрения инокультурные анахронизмы, которые могли быть встречены европейскими культурами в своем, казалось бы, чисто географическом расширении и развертывании (ср.: Слотердаик, 2007; Ильин, 1997).

Нет сомнения, что такой изначальный пространственно-феноменологический ход сильно облегчил в цивилизационном плане экспансию европейских держав за пределы их традиционного географического ареала, подкрепив ее хорошо укрепленным метафизически христианским мессианизмом. Однако этот вновь обретенный и постоянно обретаемый в ходе когнитивного развития колониалистского, а затем, в эпоху распада модерна, и постколониалистского дискурса, имперский *versus* империалистский пафос (прикрываемый, естественно, традиционными религиозными установками, различными версиями цивилизаторской миссии и культуртрегерства) имел и обратную — метагеографическую — сторону. Империализм как мощный образ, возвращенный и лелеемый европейской цивилизацией эпохи модерна, оказался образно-географической «миной», или образно-географическим бумерангом для самого европейского модерна — способствуя формированию и развитию вполне архаичных имперско-политических форм в Европе и на ее цивилизационных перифериях даже тогда, когда политико-культурный проект nation-state стал в дискурсивном отношении совершенно очевидным (см., например: Geography... 1994; Каспэ, 2001).

Как бы то ни было, именно ранний модерн репрезентировал образ империализма, синкретически слитый, сращенный с проблематикой пространственности, впервые становящейся — в семиотически значимых формах — одним из ясно выраженных, доминирующих цивилизационных дискурсов. Иначе говоря, европейский модерн осознал себя как «модерн» во многом благодаря разнообразно выраженным

и интерпретированным дискурсам пространственности (Панфский, 2004; Флоренский, 2000а, 2000б; Арто, 1993; Бахтин, 1975, 1986; Органика... 2000)⁵; с другой стороны, это была вполне локальная, европейская современность, оказавшаяся способной к уникальной по мощности пространственной экспансии, основанной на когнитивно укорененном и религиозно проработанном понятии и образе империи, а далее и империализма. Как расцвет, так и распад модерна оказались связанными с интенсивным дискурсивным использованием образа империи, чья вполне внешняя, когнитивно вторичная пространственная коннотация (физические размеры империи — важный, но не самый главный ее признак) постепенно стала его ядерным, или стержневым, элементом (см., например: Филиппов, 1992, 2002; Cosgrove, Atkinson, 1998; Gilbert, 1998).

Надо ли говорить, что Великие географические открытия и формирование европейских колониальных империй были величайшей победой, и в то же время величайшей фикцией, метагеографической ошибкой — если говорить об образно-империалистической интерпретации этих исторических событий (ср.: Сеа, 1984; Три каравеллы... 1991; Утопия... 1991). Базовая «шизофрения» модерна как такового — уверенное оперирование дискурсом европейской пространственности (ср. Делез, Гваттари, 2007), постоянно локализуемой различными вариантами образного империализма. Понятно, что то пространство — будь оно американским, африканским или азиатским, — которое видели европейские купцы и завоеватели в XVI–XVII веках, для них было всегда, в образном плане, проектируемым в христианскую вечность, европейским, западным в широком смысле. Когнитивная ситуация конца XX — начала XXI века изменилась не очень сильно: образный империализм видоизменился, стал более совершенным в когнитивном плане, перейдя во многом в информационно-культурную сферу (Кастельс, 2000; Geographies... 1995), однако все местные, локальные, неевропейские (незападные) отсчеты всякого исторического/параисторического времени наталкиваются на мощные, идущие извне дискриминационные политико-культурные дискурсы, не замечающие, игнорирующие любые могущие возникнуть как автономные дискурсы, локально-пространственные автохтонные образы (Kasbarian, 1996; Hall, 1997; Hannerz, 1997; Paasi, 1999).

Литература

Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.

---

5. В живописи это — возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего — Шенберг. В кино — творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии — творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре — произведения Ф. Л. Райта и К. Мельникова. В литературе — произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Важнейшие интерпретации: Фуко, 2006а, 2006б, 2006с; Foucault, 1980; Turnbull, 1996.

- Арто А. (1993). Театр и его двойник. Театр Серафима / пер. с фр. С. А. Исаева М.: Мар- тис.
- Барт Р. (2004). Империя знаков / пер. с фр. Я. Г. Бражниковой. М.: Праксис.
- Бахтин М. М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература. С. 234–408.
- Бахтин М. М. (1986). Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
- Беньямин В. (1996). Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводи- мости / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.: Медиум.
- Бродель Ф. (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / пер. с франц. Л. Е. Куббеля под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс.
- Бродель Ф. (2002). Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды / пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры.
- Вульф Л. (2003). Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. М. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение.
- Генон Р. (2003). Царство количества и знамения времени // *Генон Р. Царство количе- ства и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте* / пер. с франц. Т. Б. Любимовой. М.: Беловодье.
- Дамиш Ю. (2003). Теория облака: набросок истории живописи / пер. с франц. А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (2007). Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Д. Ю. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория.
- Замятин Д. Н. (2003). Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя.
- Замятин Д. Н. (2004а). Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН.
- Замятин Д. Н. (2004б). Метагеография: пространство образов и образы простран- ства. М.: Аграф.
- Замятин Д. Н. (2006). Культура и пространство: моделирование географических об- разов. М.: Знак.
- Замятин Д. Н. (2007а). Пространство как образ и транзакция: к становлению геono- мики // *Политические исследования*. 2007. № 1. С. 168–184.
- Замятин Д. Н. (2007б). Россия и нигде: географические образы и становление рос- сийской цивилизационной идентичности // *Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое* / под. ред. И. Г. Яковенко. М.: Наука. С. 341–367.
- Ильин М. В. (1997). Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН.
- Ионин Л. Г. (2000). Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос.
- Каспэ С. И. (2001). Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. О. И. Шкаратана и др. М.: ГУ-ВШЭ.
- Надточий Э. (1991). Метафизика «чмока» // *Параллели (Россия — Восток — Запад)*. Альманах философской компаративистики. Вып. 2. М.: Философское общество СССР; Институт философии РАН. С. 93–102.
- Нойманн И. (2004). Использование «Другого»: образы Востока в формировании ев- ропейских идентичностей / пер. с англ. И. Пильщикова и В. Литвинова. М.: Новое издательство.
- Органика: беспредметный мир природы в русском авангарде XX века. М.: РА, 2000.

- Панофский Э.* (2004). Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / пер с нем. И. Хмелевских, Е. Козиной; пер. с англ. Л. Житковой. СПб.: Азбука-классика.
- Сей Л.* (1984). Философия американской истории: судьбы Латинской Америки / пер. с исп. Ю. Н. Гирина. М.: Прогресс.
- Синцеров Л. М.* (2000). Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 5. С. 56–64.
- Синцеров Л. М.* (2005). Эпоха ранней глобализации в истории мирового хозяйства // *Вестник исторической географии*. Вып. 3. М.: Институт географии РАН. С. 58–79.
- Слотердайк П.* (2007). Сферы. Макросферология. II: Глобусы / пер. с нем. К. В. Лощевского. СПб.: Наука.
- Смит Э. Д.* (2004). Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова и др. под общ. ред. А. В. Смирнова. М.: Праксис.
- Три каравеллы на горизонте. К 500-летию открытия Америки. М.: Международные отношения, 1991.
- Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / под ред. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991.
- Филиппов А. Ф.* (2002). Гетеротопия родных просторов // *Отечественные записки*. 2002. № 6 (7). С. 48–63.
- Филиппов А. Ф.* (1992). Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // *Вопросы социологии*. 1992. Т. 1. № 1. С. 89–120.
- Филиппов А. Ф.* (2005). Пространство политических событий // *Полис*. 2005. № 2. С. 6–25.
- Филиппов А. Ф.* (2007). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.
- Флоренский П.* (2000а). Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях // *Флоренский П. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*. М.: Мысль. С. 81–259.
- Флоренский П.А.* (2000б). Абсолютность пространственности // *Флоренский П. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*. М.: Мысль. С. 274–296.
- Франкастель П.* (2005). Фигура и место: визуальный порядок в эпоху Кватроченто / пер. с франц. А. В. Шестакова. СПб.: Наука.
- Фуко М.* (2006а). Другие пространства // *Фуко М. Интеллектуалы и власть*. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984 / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 191–205.
- Фуко М.* (2006б). Безопасность, территория, население // *Фуко М. Интеллектуалы и власть*. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984 / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 143–151.
- Фуко М.* (2006с). Пространство, знание и власть // *Фуко М. Интеллектуалы и власть*. Ч. 3: Статьи и интервью. 1970–1984 / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 215–237.
- Элиас Н.* (2001). Общество индивидов / пер. с нем. А. Антоновского, А. Круглова, А. Иванченко. М.: Праксис, 2001.
- Эткинд А.* (2001). Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 49. С. 50–74.
- Юнгер Э.* (2000). Рабочий. Господство и гештальт / пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб.: Наука.

- Cosgrove D., Atkinson D.* (1998). Urban rhetoric and embodied identities: city, nation and empire at the Vittorio Emanuele II monument in Rome, 1870–1945 // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 88. № 1. P. 28–49.
- Culture, globalization and the world-system: contemporary conditions for the representation of identity / ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997.
- Foucault M.* (1980). Questions on geography // *Foucault M.* Power/Knowledge: selected interviews and other writings, 1972–1977 / ed. by G. Gordon. Brighton, Sussex: Harvester Press. P. 63–77.
- Geographies of global change: remapping the world in the late twentieth century / ed. by R. J. Johnston, P. J. Taylor, M. J. Watts. Oxford, Cambridge: Blackwell.
- Geography and national identity / ed. by D. Hooson. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1994.
- Gilbert D.* (1998). Heart of empire? Landscape, space and performance in imperial London // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 16. № 1. P. 11–28.
- Hall S.* (1997). The local and the global: globalization and ethnicity // *Culture, globalization and the world-system: contemporary conditions for the representation of identity* / ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 19–41.
- Hannerz U.* (1997). Scenarios for peripheral cultures // *Culture, globalization and the world-system: contemporary conditions for the representation of identity* / ed. by A. D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 107–129.
- Kasbarian J. A.* (1996). Mapping Edward Said: geography, identity, and the politics of location // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 14. № 5. P. 529–557.
- Paasi A.* (1999). Nationalizing everyday life: individual and collective identities as practice and discourse // *Geography Research Forum*. Vol. 19. № 1. P. 4–21.
- Soja E. W.* (1990). *Postmodern geographies: the reassertion of space in critical social theory*. London: Verso.
- Todorova M.* (1997). *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press.
- Turnbull D.* (1996). Cartography and science in Early Modern Europe: mapping the construction of knowledge spaces // *Imago Mundi*. Vol. 48. P. 5–24.